

Танкер

Необходимость -2

«Дербент» :

Category: Kitapcy, Powestler

написано kitapcy | 24 января, 2025

Танкер "Дербент": Необходимость -2 2.

Они сходили поодиночке на пристань — моряки, спасенные с «Узбекистана», — медленно шли по сходням, осторожно придерживаясь за перила забинтованными руками. С танкера им махали фуражками, и они медлили и оглядывались, расставаясь с близкими, дорогими людьми. Санитары в белых халатах выводили их за пристанскую ограду, где стрелки портовой охраны расчищали проход в толпе. На шоссе зычно лаяли гудки санитарных автомобилей.

Последним с пристани сошел Валерьян Ластик. Он ворчал на санитаря, пытавшегося взять его под руку, и порывался за чем-то вернуться.

— Володя, ты должен держать со мной связь, — кричал он Макарову, — мне так не хочется уходить! Почему ты не смотришь на меня, Володя?

Перед оградой он еще раз обернулся и крикнул своим скрипучим мальчишеским басом:

— Передай вашим стахановцам, что я напишу, о них... И буду всегда по-вашему...

Калитка хлопнулась за ним, и белые халаты заслонили его от Володи.

— Ты слышал? — спросил Володя стоявшего рядом с ним Басова. — Передай, говорит, стахановцам... Уж очень мы ему полюбились. Котельникова он даже чмокнул напоследок, губошлеп этакий. — Володя весело рассмеялся и придвинулся к Басову. — Слышь, Александр Иванович, что капитан-то рассказал ночью. Говорит, у них с помощником вроде как бы круговая порука была. И в прошлом у них что-то грязное было, не пойму я. Рассказывает он и трясется весь, как в лихорадке, и слезы на глазах. «Голубчики, миленькие, — говорит, — что этот человек со мной

сделал! Совесть его замучила, значит, вот он и открылся. Теперь они с помощником под суд пойдут, а к нам назначат новых, проверенных. К нам теперь с камнем за пазухой не суйся, – заключаем! Знаешь, у меня сегодня настроение какое-то дурацкое, точно я именинник. Даже стыдно как-то.

– Хорошее настроение? – улыбнулся Басов. – Это ничего.

– Нет, все-таки стыдно. Ведь авария была и жертвы. А у людей болячек сколько! Вон смотри, Мустафа с врачом воет.

Старичок-врач, прибывший из города, загораживал – дорогу Гусейну, пытавшемуся ускользнуть в проход палубы. Гусейн напирал, стараясь протиснуться боком, и тоскливо озирался.

– Нет, вы невозможный человек, – говорил врач, молитвенно складывая руки и глядя на Гусейна поверх очков с таким видом, точно сомневался, что у невозможного человека под бинтами простое человеческое лицо. – Да знаете ли, чем вы рискуете? Ведь если попадет инфекция...

– Но они присохли уже, – бормотал Гусейн, оглядывая перевязки на руках. – Зря вы волнуетесь, доктор.

– Все-таки пожалуйста на берег.

– А вот и не пойду. Очень просто!

– Нет, вы пойдете! Где тут помощник по политчасти? Это возмутительно!

Басов заложил руки за спину и направился к спорящим ленивой походкой.

– Ты должен пример подавать другим, – сказал он Гусейну, – а ты гвалт поднял на всю пристань. Как тебе не стыдно?

– Я там хуже заболею с расстройства, – проговорил Гусейн упрямо. – Послушайте, доктор, отвяжитесь, право!

– Не могу я допустить тебя к машинам с такими руками, – терпеливо объяснил Басов. – Ну пойми ты, голова!

– Ладно, я сойду... Не по-товарищески это, Александр Иванович.

– Иди, иди...

– Публику пускают! – крикнул Володя Макаров. – Котельников, твоя жинка идет.

Толпа хлынула из-за ограды, растекаясь по пристани. Женщины бежали, шагая через трубопроводы, издали приглядываясь к стоявшим у борта морякам, отыскивая своих. Басов видел, как

бросилась навстречу Гусейну девушка в желтой кофточке, стремительно протянув к нему руки. Но она не коснулась его, руки ее бессильно опустились – они стояли друг против друга. Басов отвернулся и медленно побрел на бак. У канатного погреба валялся выцветший дырявый флаг, прикрывавший мертвых. Шумели потоки нефти, падавшие из шланга в грузовой люк. Басов заглянул туда, стараясь угадать, сколько времени осталось до конца погрузки. «Скорее бы», – подумал он с внезапной тоской. За его спиной раздавались звуки шагов, приближающиеся и отдаляющиеся, возбужденные женские голоса, прерываемые быстрым дыханием, обрывки фраз.

– Я не знаю, как дождалась...

– Где он, где? Позовите его, товарищ...

– Отчего не сообщали по радио?... Я так беспокоилась...

– Э, пустяки какие... – ответил мужской голос.

Басов узнавал все эти голоса, но он уходил от них, отошел к противоположному борту и перевесился через перила. Далеко внизу на зеленых волнах колыхались рыжие пятна мазута, и крутая стена танкера, ломаясь, уходила на дно.

«Хорошо, что у Котельникова есть жена и ребенок, – думал он, разглядывая свое зыбкое отражение на поверхности воды. – И к Гусейну пришла желтенькая. Как она бросилась к нему... Нужно бы уйти куда-нибудь на время стоянки. Тяжело смотреть, и тут уж ничем не поможешь. Уйти в каюту! Переждать нужно только».

Он уже хотел отойти от борта, но позади раздались шаги, и он медлил, выжидая, пока пройдут мимо.

– Позвать его? – раздался голос Володи.

– Не надо, – быстро ответил голос.

Басов вздрогнул и обернулся.

– Я сама...

Муся стояла в двух шагах от него, и на лице ее он заметил страдание, испуг, словно ее что-то ужаснуло в нем. И неожиданно для себя Басов вымолвил нелепо-развязно:

– Проведать меня пришла? Ну-ну... Вспомнила, значит...

– Представь, я тебя не узнала сейчас, – сказала Муся низким, грубым голосом, – мне показалось, что это чужой.

Она была одета по-зимнему, в пушистом платке, который он видел

на ней в вечер перед разлукой. Она приблизилась, отбросила платок на шею и вдруг вспыхнула до корней волос, даже глаза ее увлажнились. Басов взял ее за руку, и так постояли они несколько секунд, не зная, что делать дальше.

— Как же ты меня не узнала? — спросил он тем же насильственно-развязным тоном, внутренне холодея оттого, что говорил он вовсе не то, что хотел. — Разве я изменился?

— У тебя лишаи вот здесь, — сказала Муся, нахмутив брови и касаясь пальцами своей щеки. — Откуда это?

— Это ожоги. У нас здесь было жарко вчера. Правда, Володька? Володя Макаров сдержанно кивнул и внимательно оглядел их обоих. Потом он повернулся и пошел вдоль палубы, раскачивая плечами.

— Это скоро пройдет, — громко сказала Муся, провожая глазами радиста, — надо промыть марганцовкой... Ты вспоминал меня немножко, командир? — спросила она быстрым угрожающим шепотом, склоняя голову.

Басов пожал ей руку, она вскинула на него глаза и улыбнулась.

— Вот только что... — выговорил с усилием Басов, — когда ты подошла...

— Что только что?

— Вспоминал. И вообще часто думал о тебе, когда сидел без дела. А сейчас ты пришла, и мне показалось, что это случайно.

— Случайно пришла? — засмеялась Муся. — Вздор ты какой-то несешь!

Она оглянулась и быстро закинула ему руки на шею.

— Здесь ходят все время... Черти!.. — горячо шепнула она, прижимаясь губами к тому месту на его щеке, где потрескалась кожа. — А я так много должна сказать тебе... У тебя хоть каюта-то есть отдельная, стахановец? — Она решительно взяла его под руку и повлекла за собой. — Сколько времени мы не видались! Я, когда ехала сюда, сосчитала: шесть месяцев и десять дней, вот сколько. Но почему ты не сердишься на меня, хоть немного? Для порядка бы следовало. Ах нет, ты даже теперь ничего не скажешь.

Басов шел за ней, перебирая ее пальцы, и ему вспомнилась та далекая ночь, когда вела его Муся в темноте по пустырю и

дорогу им указывали тонкие свистки буксиров. Только сейчас светило яркое солнце, и под ногами была стальная палуба нефтевоза, и журчал мазут в грузовых люках, напоминая о скорой разлуке. И он еще не понял ее до конца, хоть и сплелись их пальцы в крепком пожатии и сияли неудержимым счастьем Мусины глаза. Они очутились в жилом коридоре, здесь пахло кухней, было тихо и полутемно, но из-за неплотно прикрытой двери падал столб света, и в нем кружились шальные осенние мухи, сверкая слюдою крыльев. От крепкого объятия у Басова захватило дыхание, но, как в те далекие дни их знакомства, она первая положила этому конец, сжимая его руки и заставляя слушать себя.

– Постой... Я говорила, что ты странный, не такой, как другие. Почему ты не упрекнул меня до сих пор? Я не могу освободиться от этого груза без твоей помощи. Мне все кажется, что мое счастье оборвется. Но нет, это вздор. Если ты не хочешь, я сама могу причинить себе боль. Вот слушай: меня испугало, что ты такой... особенный, и это было так дико тогда – один против всех со своими затеями... Какой-то мечтатель, прожектор... Знаешь, есть люди, от которых за версту пахнет неудачником. И мне казалось, что за тобой пустота – одни мечтания и житейская неуклюжесть... Я ведь только средний, ограниченный человек, командир, и мне было больно жалеть тебя, потому что я тебя любила. Я действовала заодно с предельщиком Нейманом... Нет, нет, молчи, это так и было! Неймана осудили рабочие, а обо мне никто не знает, кроме тебя, но какой же ты судья, когда мы только что целовались? Ну вот, сейчас ты ответишь мне на один вопрос, только дай слово, что скажешь правду...

– Да, конечно. Да ты о чем?

– Слушай. Если бы я позвала тебя на берег вот сейчас и навсегда. Пошел бы ты? – Она впиалась глазами в его лицо, заранее торжествуя.

– Не пошел бы, Муся.

– Сказал все-таки, ах ты милый! Я сегодня влюблена в тебя, командир, как будто мы только что познакомились. Пройдет полчаса, и мы расстанемся, потому что так надо. Ты не уйдешь отсюда ради меня, и я не попрошу тебя об этом, хоть и

стосковалась по тебе.

– Н-не знаю. Эх, Муська, если бы можно было взять отпуск...

– Да молчи ты, экий дурной! – топнула она ногой в досаде, – Ничего не понял, так я и знала! Ты умеешь мыслить только прямыми линиями и совсем не знаешь себе цены. Пожалуй, ты думал, что я забыла тебя. Ну вот и есть, вижу, что думал. А я тебе расскажу, что со мной было, когда вы в море бедовали. Тиликает репродуктор, и я знаю, что это про тебя, про вас, и ничего не понимаю, и зареветь нельзя, – гордость мешает. Но теперь все прошло, ты со мной, и мне так хорошо...

Они обнимались, стоя у полуоткрытой двери, и сквозняк путал их волосы и шевелил распутившиеся концы Мусино платка.

– Пойдем же к тебе, – блаженно лепетала Муся, – нельзя же здесь...

В эту минуту снаружи грянул оглушительный металлический вой, в котором потонули все звуки. Мусины губы шевелились, произнося еще что-то, но он не слышал ее и только видел, как постепенно твердели ее влажные глаза и исчезало их сияние. Потом гудок оборвался, и они стояли, неподвижно держась за руки, как бы ободряя друг друга.

– Кончилось, – сказала Муся спокойно. – Я не думала, что время пройдет так скоро. А ты и не показал мне свою каюту, командир, – добавила она со смешанным выражением лукавства и грусти, – теперь мне надо уходить.

– Не спеши... Сегодня было мало времени из-за пассажиров с «Узбекистана». Обычно можно побыть гораздо дольше. Скоро у нас введут выходные рейсы, и тогда три дня в месяц мы будем вместе... Мы свое возьмем, Муся.

Они вышли на палубу, и Муся опиралась на его руку, с любопытством разглядывая проходивших мимо матросов. На пристани рабочие оттягивали шланги, протяжно скрипевшие в шарнирных узлах. По сходням сбегали женщины, придерживая юбки, словно перебираясь через лужу. Навстречу им взбирался Гусейн. На голове его копной сбились бинты, и теперь он был похож на араба в чалме.

– Почему ты здесь? – накинулся на него Басов. – Ведь мы договорились! Послушай, Мустафа...

– Я только хотел предупредить тебя... «Агамали» грузится на четвертой пристани. Сейчас я встретил ихних ребят возле дежурной лавки. «Мы, – говорят, – машины заново перебрали. Теперь покажем вам, как надо бегать!» А я говорю, мол, интересно будет посмотреть, – Он покосился на Мусю и сдвинул бинты, падавшие на глаза. – Одним словом, поднажать надо, Александр Иванович.

Муся сбежала на пристань и махнула рукой.

– Ты проводи-ка вот эту женщину, – сказал Басов, подталкивая Гусейна, – она мне родня.

– О-о! – удивился Гусейн. – Да когда же ты успел?

– Иди, иди, сходни снимают, – торопил Басов, краснея.

Муся улыбалась и делала знак губами.

– Александр Иванович, насосы остановили, – отрапортовал моторист Газарьян, появляясь в дверях машинного отделения.

– Хорошо. Заглушить грузовой двигатель! Кто на вахте?

– Механик Задоров. Есть заглушить!..

Загремели опущенные сходни, и на баке взвизгнул пронзительно шпиль. Узкая темная щель между пристанью и судном увеличивалась, в ней проступили опрокинутые очертания корабля. Взвились и растаяли над ютом белые кольца дыма.

Конец.

Юрий КРЫМОВ. Powestler